

Память о прошлой любви

Фильмы кинорежиссера Петра Ефимовича Тодоровского, чье творчество всегда так или иначе было связано с военной темой, хорошо известны зрителям, не раз получали призы на самых авторитетных всесоюзных и международных кинофестивалях. В августе режиссеру исполняется 60 лет. О своих фильмах творческом пути Петр Тодоровский рассказывает в беседе с нашим корреспондентом.

— Петр Ефимович, вы воевали, награждены орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, были ранены... Скажите, военная биография как-то повлияла на выбор вами мирной профессии?

— Да, безусловно. Начнем с того, что в 1941 году я работал в Саратовской области в колхозе. Мужчины ушли на фронт, и мы, тогда еще мальчишки, помогали женщинам и старикам во всем: я молот мукы на ветряной мельнице, ездил за сеном на быках, копал колодцы — в общем, как взрослый вел извечное крестьянское дело. С тех самых пор меня волнует тема земли, мужичьего труда как некоего корневого основания жизни.

В начале января 1943 года меня призвали в армию — сначала направили в Саратовское военно-пехотное училище, а прямо оттуда — на 1-й Белорусский фронт. Командовал минометным взводом. Прошел от Ковеля до Эльбы, участвовал в исторической встрече с американскими солдатами. Закончил войну в местечке Иерихоф в звании гвардии лейтенанта.

Как-то мы вели бой в районе Штеттина. Немцы ушли за Одер, и вот раннее утро, рядом с нашей колонной останавливается грузовик, из него выбирается военный с кинокамерой и начинает нас снимать — усталых, измученных. Я тогда впервые увидел живого

кинооператора. И вдруг подумал: кончится война — тоже стану кинооператором.

— И фронтовая мечта сбылась?

— Да, в 1951 году я окончил операторский факультет ВГИКа, снимал как оператор известные фильмы «Весна на Заречной улице», «Два Федора», прекрасный, к сожалению, редко демонстрирующийся фильм «Жажда» молодого тогда режиссера Евгения Ташкова. Потом как-то органично я перешел в режиссуру. В 1965 году снял первый фильм — о моем друге Юре Никитине, прекрасном парне, который погиб через несколько дней после того, как мы попали на фронт, от пули снайпера. Фильм называется «Верность».

— Что вас волнует прежде всего при работе над военными фильмами?

— Вы знаете, я не отношусь к кинорежиссерам, которые мучатся в поисках тем: сегодня снимет о войне, завтра — о заводе, а затем — о колхозе. Война мною пережита, и что бы я ни снимал, почти всегда в фильме есть мотив, пусть даже интонация о войне, как это было в старом моем фильме «Фокусник», где герой Зиновия Гердта рассказывает о госпитале, или в таком, казалось бы, современном фильме, как «Городской романс».

Мне не интересно, а может быть, просто не дано снимать батальные картины, операции, бои, хотя я все это хорошо знаю. Да и главное для меня не в этом. Война была жизнью — вот что важно, об этом все как-то забывают. Человек, будь он в шелоне, на пере-

довой или в обороне, оставался человеком. А на войне человек узнается очень быстро — друг он или трус, честный или подонки. Нравственная сторона бытия, суть, или то, что точнее можно назвать внутренней сущностью войны, интересует меня больше всего. Если бы я снимал фильм о космосе, к примеру, то показал бы не то, как полетел космонавт, а что с ним было до полета. Самая великая тайна — внутренняя готовность к подвигу. Об этом был мой фильм «Верность».

Сегодня надо рассказывать о войне не словами, а чувствами, только эмоциональный ряд поможет включить зрителя в акт сопереживания. Это после, выйдя из кинотеатра, зритель может задуматься, что и проблема, и идея в фильме есть, но в зале он должен сопереживать. Вы помните сюжет «Верности»? Вся история: ну влюбился мальчишка в первый раз, только начали встречаться, а война разорвала любовь — и мы уже видим Юру Никитина, идущего в атаку. Вот и вся история. Но мы с Булатом Окуджавой, когда писали сценарий, хотели рассказать в этой истории и о другом — о том, с каким запасом нравственных чувств уходит человек на войну. Мы хорошо знали этих мальчишек, многие из них не вернулись. Почти весь 21-й, 22-й, 23-й, 24-й годы остались там... О них должен напоминать экран.

— А как, по-вашему, сделать современный военный фильм, чтобы он был интересен сегодняшним молодым? Ведь зритель часто идет на фильм, исходя из названия.

— К слову сказать, из-за названия на первых просмотрах чуть не «погорел» «Военно-полевой роман». Называясь фильм, как в румынском прокате, — «Память о прошлой любви», сами понимаете, зал был бы полнее. Но роман-то все-таки военный.

Я убежден: сейчас о войне надо рассказывать так, чтобы это было понятно молодому поколению. В этом смысле мне необыкновенно дорог Василь Быков. Он сумел найти в военной теме нравственную проекцию на современность, потому его книги так много читают. Молодежь должна понимать все, в том числе и то, что война была тяжелой. Сейчас не знают пень крошечка хлеба, а мы, восемнадцатилетние, ее знали. Надо поведать с экрана о том, как это страшно встать и побежать навстречу пулеметному огню! Я убежден: каждый солдат, бежавший навстречу огню, — Герой Советского Союза.

— Фильм «Военно-полевой роман» как бы продолжает вашу первую картину. Как и «Верность», это фильм о любви и войне. Есть в нем автобиографические черты?

— Когда писатель или драматург берется за перо, он в первую очередь берет на вооружение свою память и начинает ворошить ее. Мы были молоды тогда, и не потому даже многое запомнилось, что мы были молоды, а потому, что молодая память все впитывает как-то особенно живо, сочно. Я помню, мы стояли в обороне на Висле. Кухня приезжала раз в сутки, ночь мы не спали и часто слышали из землянки комбата звуки патефона и женский смех. Что это было для нас, мальчишек! Мы понимали, что люди любят,

счастливы, я видел раз возлюбленную комбата, скачущую на лошади, и это крепко врезалось в память. А потом, когда учился на первом курсе ВГИКа, проходил мимо ЦУМа, и меня остановил женский смех. Я обернулся — на углу стояла женщина в ватнике и торговала пирожками. Рядом сидела девочка, закутанная в платок. Мне показалось, что это была она — та самая Люба Антипова. Помимо моей воли, произошло как бы замыкание этих двух эпизодов. Я все время возвращался к ним, записывая воспоминания, эпизоды, так и возник сценарий фильма «Военно-полевой роман».

Если фильм «Верность» посвящен тому, с чем уходил человек на фронт, то «Военно-полевой роман» рассказывает о том, с чем он возвращается с войны. Война кого-то ломала, а кого-то делала нравственно цельнее. Происходило чудо — человек переживал самое страшное и все же сохранял нерастратенным запас доброты и благородства. Трудно было восстанавливать разрушенные города, но еще труднее — восстановить израненные человеческие души. Простая история возвращения к жизни изверившейся женщины — это и обращение ко всем нам, чтобы не исчезали для нас понятия доброты, порядочности, чтобы мы не боялись подставить плечо не только родственнику, другу, а просто чужому человеку, если тот попал в беду. Неравнодушию к чужой беде учила нас война.

Я благодарен актерам Инне Чуриковой, Наталье Андрейченко, Николаю Бурляеву, Зиновию Гердту, которые, я звую, отдавали фильму все

силы. Только при полном взаимопонимании возможно на съемочной площадке то, что зовется замечательно — творческим процессом. Мы все были объединены одной целью — рассказать о поколении, которое все вынесло — на углу стояла женщина в ватнике и торговала пирожками. Рядом сидела девочка, закутанная в платок. Мне показалось, что это была она — та самая Люба Антипова. Помимо моей воли, произошло как бы замыкание этих двух эпизодов. Я все время возвращался к ним, записывая воспоминания, эпизоды, так и возник сценарий фильма «Военно-полевой роман».

— Петр Ефимович, вы сказали о своем поколении. Встречи с какими людьми вам были особенно дороги?

— Мне очень повезло в жизни на хороших людей. Мои друзья — это Григорий Поженян, Булат Окуджава, Зиновий Гердт, Марлен Хуциев, Гена Шпаликов, который хоть и был моложе всех нас, но тоже «родом из войны».

Эти встречи сыграли огромную роль в моей жизни в смысле понимания искусства, приобщения к поэзии, музыке. Лукаво говоря, я убежден, что режиссер должен если не все знать, то по крайней мере обо всем догадываться. Подумайте, время было тяжелое, самообразованием в войну заниматься, книги читать некогда было. Все нужно было навестывать после войны. И мы терпеливо, настойчиво, самолюбиво навестывали. У всех нас общее прошлое — война. Тогда мы были очень молоды...

Беседу вела Н. РТИЩЕВА.